

Пролог

НАЧИНАЯ С КОНЦА

— **М**ы можем его просто взорвать.
Что?

Что она сказала?

Взорвать меня?!

Я кричу.

Но из горла вырывается только глухое «мпф», кляп плотно заткнул мне рот, я не могу даже нормально глотать.

— Это решать боссу, — как ворон каркает парень, стоящий за мной. У него ломается голос. Звучит смешно. Я бы рассмеялся, если бы только мог. Потом я чувствую пальцы, теребящие повязку на моих глазах. Проверяет, хорошо ли она держится.

— Сойдёт. Он ничего не видит и никуда не денется. Нет повода психовать.

Я мало что могу сделать, чтобы выразить согласие. Поэтому отчаянно киваю, чтобы подтвердить,

что я абсолютно безвреден. Если бы я только мог выплюнуть платок изо рта! Я бы всё рассказал. Конечно, соврал бы. Но мне точно пришла бы в голову какая-нибудь хорошая мысль.

— Что, если мы просто бросим его в реку, и все дела? — предлагает Психованная.

Проходит целая секунда, прежде чем я понимаю, о чём она говорит.

Но она же это не всерьёз? Сперва взорвать, а теперь утопить? Мои предплечья начинают зудеть, я хочу почесаться, но это невозможно: обе руки привязаны к хлипкому стулу, на котором я сижу.

— Ты имеешь в виду — убьём его?! — Ворон в таком же ужасе, как и я.

— Нет. Ты прав, — уступает Психованная. — Взорвём ему мозги. Этого будет достаточно.

Она говорит это всерьёз, но Ворон громко смеётся в ответ:

— Ну ты и хвастунья! Ты хоть раз это делала? Так можно и самому мозгов лишиться. Я слышал об одном таком: попробовал — *бабах!* — и всё.

— Да, тот ещё идиот. Знаю его. Говорят, само он уже ничего вспомнить не может. Сплошная каша в голове. Это была бы катастрофа.

— Так что подождём босса, — повторяет Ворон.

Подождём босса? Хорошая идея. Это даст мне хотя бы немного времени. И я снова киваю.

— Ну ладно, — откликается Психованная. — Принесу-ка я сыворотку правды. Пусть наша птичка сперва споёт, а потом мы отправим её в полёт.

В моей голове, кажется, всё начинает взрываться уже сейчас. Куда же я попал?!

Я невольно вспоминаю, как всё начиналось, и задаюсь вопросом: решился бы я на это снова? Уже зная, что будет в конце?

Потому что ясно одно: когда придёт босс, моё приключение завершится самым ужасным образом из всех, какие только можно представить. Они введут мне сыворотку правды. Я начну трещать как попугай. А дальше — БУММ! И ВСЁ. КРЫШКА.

А началась эта история довольно безобидно. Четыре недели назад. С багажника, полного мягких игрушек.

Глава 1

ОДНОЙ НОГОЙ НАД ПРОПАСТЬЮ

Я прекрасно помню, с чего началось моё приключение — тот момент, без которого эта история не произошла бы. Это был день, когда я получил самую плохую оценку за контрольную по биологии. Результат: один балл из двадцати. Тема? Что там была за тема? Ах да. Амфибии. То есть лягушки и прочие земноводные. Единственный балл я получил из жалости — за ответ на вопрос о естественных хищниках, угрожающих лягушкам. Я написал «французы».

Как бы то ни было, вся контрольная пестрела замечаниями и исправлениями фиолетовой ручкой. Герр Вебер¹, которого все называют Пауком,

¹ Фамилия *Вебер* (Weber) в переводе с немецкого значит «ткач», и поскольку учитель вызывает ассоциации с пауком-ткачом (Weberknecht), школьники называют его между собой Пауком. (Здесь и далее примечания переводчика и редактора.)

считает, что его правки дружелюбной фиолетовой пастой приятнее, чем злобной красной. Наверное, стоило ему сказать, что фиолетовый тоже бьёт по глазам, да и цвет пасты не играет роли, если ты в любом случае чувствуешь себя полным невеждой.

Ясно, вы сейчас думаете: «И что? Ничего страшного. Можно же иногда получить и плохую оценку по биологии».

Так-то так. Но не в том случае, если ходишь в такую школу, как моя. Прежде чем поступить сюда в пятый класс два года назад, я всерьёз считал, что в гимназии имени Карла Коха¹ непременно должна быть вкусная еда в столовой. Я и не подозревал, что он был не поваром, а учёным и занимался медициной и ботаникой. Откуда мне было это знать? Парень умер больше ста лет назад.

Но в школе его всё ещё очень почитали. Повсюду в коридорах висели его старые фотографии, были поощрительные призы его имени, а на рождественском балу он даже появлялся собственной персоной — его играла директриса фрау Айзенбайс. Между нами говоря, ему даже был посвящён

¹ *Карл Генрих Эмиль Кох* (1809—1879) — немецкий ботаник, считается одним из основателей дендрологии. А фамилия Кох (Koch) в переводе на русский значит «повар», поэтому Тобиас и предположил, что еда в столовой этой школы обязательно будет вкусной.

обед. Он состоял в основном из растений и довольно ощутимо пах медикаментами.

— Это просто контрольная, — сказал Паук в этот памятный понедельник. — Она должна показать вам, на каком уровне вы находитесь.

Одной ногой над пропастью, раздражённо подумал я.

— Я хочу, чтобы вы вернули мне свою работу с подписью родителей, — продолжил он.

Ни за что. Показать эту контрольную дома просто невозможно. Мои родители вообще-то ужасно гордятся, что я хожу в их школу. В ту самую, в которой они двадцать лет назад сдали биологию и математику на «отлично». Как назло, они думают, что от людей, одарённых в естественных науках, автоматически должен родиться такой же одарённый ребенок. Но я — живое подтверждение тому, что это не так.

— А в следующую среду вам предстоит большой итоговый тест на определение способностей. Результат покажет, кто из вас в седьмом классе будет обучаться по естественно-научному профилю.

Тест на определение способностей?

Боже праведный.

У меня зачесались предплечья — как всегда, когда я нервничал. Но я постарался успокоиться. Он сказал, в следующую среду. Значит, у меня ещё девять дней,

включая сегодняшний, чтобы всё выучить. Проще простого! За это время я уж как-нибудь запомню всю эту ерунду про земноводных и саламандр.

Покашляв, Паук попытался пробиться сквозь поднявшийся шум:

— Помните, что я буду вас бессистемно опрашивать по материалу за целый год.

Материал за целый год?! Значит, земноводных ему не хватит... Я был в отчаянии. Может, и все остальные тоже?

Раздался звонок на последнюю короткую перемену. Я огляделся в поисках помощи и обнаружил много довольных лиц. Я даже бросил удручённый взгляд на контрольную Филины, сидящей передо мной. Безукоризненно, вообще без фиолетовой пасты! Но это было ожидаемо. Большинство в моём классе хорошо разбирались в биологии, Филина же и вовсе была наша Мисс Мозг. В остальном в её черепушке были не все дома, за что за спиной её называли Безумной Филиной. С недавних пор она повадилась ходить в пронзительно цветастых и в основном полосатых шерстяных шапках и шарфах. Что, простите? В июне, в двадцатипятиградусную жару!

Но я решил на неё не равняться. Это совсем другой случай! Другая вселенная! Поэтому я пихнул локтем своего лучшего друга и соседа по парте Леоны. Благодаря ему я был не единственным, в ком

ошиблись родители. Леону подошла бы гимназия имени Пикассо, потому что он действительно здорово рисует. Несмотря на это, он отчаянно пытался догнать Карла Коха, шагающего для него слишком широко.

— Что? — немного нервно спросил Леон.

— Всё фиолетовое. А у тебя?

Он заколебался. Может быть, ему стыдно, так же как и мне.

Он неохотно придвинул мне свою работу.

Сперва я не мог даже слова вымолвить — настолько был шокирован.

Восемнадцать баллов из двадцати?! ЧТО?!

— Ты кто? — с подозрением спросил я. — И что ты сделал с Леоном?

— Не говори ерунды.

Почему он так нервничает — при таком-то результате?

— Докажи, что это действительно ты! — съехидничал я, вызывая его на словесную дуэль. Это была наша любимая игра на перемене: каждый называл первую ассоциацию, приходящую в голову в ответ на слово товарища. Я начал:

— Кровь.

— Мертвец.

— Могила.

— Зомби.

— Топор.

— Ай.

Ну ладно. Это всё-таки он. Однозначно. Эта игра всегда в какой-то момент заканчивалась у Леона этим «Ай».

— ТоХо, дружище! Тебе бы подумать о репетиторе.

ТоХо. Ещё одно доказательство. Потому что так меня называет только Леон. Он наделил меня этим прозвищем в мой первый же день в школе: «То» от «Тобиас» и «Хо» от моей фамилии «Хоппе».

— С каких пор ты ходишь к репетитору? — с удивлением спросил я. Он не говорил об этом ни слова.

— Где-то недели три.

— Почему ты ничего об этом не рассказывал?

— Родители не хотят, чтобы кто-нибудь знал. Им стыдно, что я с трудом справляюсь в естественно-научном классе. Поэтому никому ни слова.

Я тут же подумал о своих родителях. О разочарованном лице профессора Хоппе, преподавательницы биологии в университете, и о грустном лице доктора Хоппе, с недавних пор начальника отдела в банке Линнеберга.

Потом на ум пришло слово «таксолухи». Так называли здесь десять процентов учеников, занимающихся в гуманитарном классе: олухи, которым не